

И. М. ПАВЛОВ <М. И. НИЛЬСКИЙ>

1920-е: революция и бюрократия. Записки оппозиционера

<Фрагменты>

<...>

Выступление Л. Троцкого в 1923 году было тактической ошибкой¹. Троцкий переоценил свои силы и недооценил силы и влияние партийного аппарата. Ему, как обычно, не хватало выдержки. Его выступление было преждевременным. И независимо от содержания его платформы и лозунгов, самый факт его выступления против руководства партии обрекал его на поражение. Троцкий боролся за влияние и первенство в партии. Будучи наиболее одаренным человеком среди членов Политбюро, на целую голову возвышаясь над ними, он всегда стоял рядом с вождем партии Лениным. И, естественно, после ухода Ленина предъявил обоснованные претензии на его замещение. Излишняя самоуверенность, высокомерие и презрительное отношение к другим членам Политбюро мешали Троцкому искать для осуществления своих честолюбивых планов союзников среди них. Его пламенный темперамент, смелость, порывистость, гордость толкали его на немедленные действия. Зная о разногласиях, группировках и взаимной неприязни среди членов Политбюро, он не сдержал себя, не выждал, пока вызреют, обострятся и выльются эти разногласия в открытую борьбу, в которой он мог бы играть роль арбитра или по меньшей мере приобрести себе сильных союзников.

Преждевременный срыв Троцкого был выгоден остальным членам Политбюро, особенно Сталину. Они уже давно конспирировали и вели реакционную борьбу против Троцкого. По свидетельству Каменева и Зиновьева, члены Политбюро обычно незадолго перед

официальными заседаниями Политбюро созывались Сталиным на негласные совещания без участия Троцкого, где они предварительно решали вопросы, подлежащие рассмотрению на официальном заседании.

Бескомпромиссно отвергая его платформу при обсуждении в Политбюро, они толкали Троцкого на открытое выступление, чтобы обнаружить его приверженцев и сторонников, дискредитировать его в глазах партии, воспользоваться поводом, чтобы запугать неискушенную массу рядовых коммунистов жупелом троцкизма и в конечном счете морально изолировать Троцкого, а затем отстранить от руководства партией и вооруженными силами страны.

Будучи блестящим организатором, Троцкий часто недооценивал силу организации, отводя ей второстепенную и подчиненную роль. Троцкий всегда был кустарем-одиночкой. Он способен играть только первые роли. Там, где эти роли ему не удавалось сыграть, он не задерживался, уходил и создавал хотя бы небольшое, кустарное, но свое дело, где он мог бы, никем не сдерживаемый, всюю проявлять свою яркую индивидуальность. Троцкий — революционер-артист. Его стихия — революционная драма. Его качества: великолепный жест, классическая поза, блестящий монолог, смелая, порывистая и благородная поступь в сочетании с искренним вдохновением, граничащим с самозабвением. Склонность к драматизму привела его в 1917 году и в ряды большевистской партии. Попав с великолепной открытой европейской арены в душную и затхлую атмосферу большевистского катакомбного цирка, созданного профессиональными подпольщиками, Троцкий, благодаря умному и опытному режиссеру Ленину, выдвигавшему его на первые роли, продолжал вдохновенно играть. Но с тех пор, как Ленин отстранился, он решил, что наступило время самому выступить в роли режиссера.

Троцкого не любили старые большевики. Его всегда считали чужаком. Большевистская верхушка, за исключением Ленина, всегда подозрительно и косо смотрела на него. Его возвышение в партии, близость к Ленину, популярность в стране раздражали завистливых честолюбцев. Богато одаренный, высококультурный, владеющий несколькими иностранными языками, с безукоризненными манерами европейца, Троцкий подавлял своим превосходством мешковатых провинциалов из Политбюро (за исключением,

конечно, Ленина и умного и высоко культурного Л. Б. Каменева). Он не панибратствовал, не пьянствовал с ними, ни с кем из них не был на «ты».

Своим выступлением Троцкий не увлек большинство членов партии. Привыкшая подчиняться, а не размышлять, рыхлая масса рядовых коммунистов, всегда послушно и слепо следовавшая за своими вождями, не откликнулась на горячий призыв Троцкого. Только партийные организации, во главе которых стояли его сторонники, проголосовали в угоду своему начальству за оппозицию, чтобы затем с поспешной угодливостью при смене начальства проголосовать за противоположную резолюцию.

Сознательными и более прочными идейными сторонниками Троцкого оказались мыслящие, более или менее интеллигентные коммунисты-студенты, работники центральных учреждений, часть работников партийно-комсомольского и советского аппаратов, часть командно-политического состава армии и т. д.

<...>

Нелегальное собрание студентов МГУ на Плющихе в квартире аспиранта Воробьева, где выступал Троцкий, привлекло более ста человек. В двух просторных комнатах люди стояли, тесно прижимаясь друг к другу. Не попавшие в комнату толпились в коридоре. Троцкий, сняв пиджак, говорил стоя на подоконнике. Собрание с большим подъемом продолжалось более двух часов. Несмотря на многочисленность и продолжительность собрания, оно или не было обнаружено шпиками, или его не посмели разогнать. Многочисленным также было нелегальное собрание в квартире нашего студента в доме, расположенном на углу улицы Воровского и Кудринской площади. <...>

Желая избежать массовых демонстраций, сталинцы приказали произвести похороны втихую². Никаких сведений о месте, дне и времени похорон в печати не сообщалось. На второй день утром в рабочее время состоялись похороны на Новодевичьем кладбище. Демонстрации, однако, не удалось избежать. Оппозиция через свою сеть успела предупредить своих сторонников, около полутора-двух тысяч преимущественно учащейся молодежи приняли участие в похоронах. Была осенняя сырая и промозглая погода. Гроб с покойником через всю Москву несли на руках Троцкий, Зиновьев, Каменев, Муралов³ и другие вожди оппозиции. Траурные марши оркестра привлекали все новых и новых участников процессии.

Когда процессия проходила по Моховой, к ней присоединились сразу несколько сот студентов университета. Время от времени в толпе раздавались выкрики: «Позор убийцам Иоффе!» «Позор сталинским душителям революции!» А затем, заглушая оркестр, взметнулась над толпой могучая боевая песня: «Вихри враждебные веют над нами...». Прохожие, разинув рты и пожимая плечами, смотрят на окруженную полуэскадром конной милиции необычную похоронную процессию, где люди поют бодрые и боевые песни. Когда разбухшая процессия достигла Новодевичьего кладбища, конная милиция, выдвинувшись вперед, преградила дорогу. Уныло бредший за гробом представитель сталинского ЦК Рютин⁴ объявил, что «доступ к могиле могут иметь только ближайшие родственники и друзья покойника, остальные могут расходиться». Гроб, колыхаясь, двинулся вперед. Пропустив его, конница снова сомкнулась. Несколько минут длилась напряженная тишина. Затем, точно по команде, зарывав, толпа ринулась вперед, отбросила нескольких лошадей с их всадниками и широким потоком устремилась вслед за гробом в кладбищенские ворота. Сделав вид, как будто ничего не случилось, милиция спешила и осталась у кладбищенских ворот, пассивно наблюдая за движущимся мимо людским потоком.

Гроб с телом покойника был поставлен на узкий и высокий стол у открытой могилы. Речью Зиновьева был открыт траурный митинг. Вслед за ним от имени ЦК выступил с речью Рютин. В самом начале своей речи он сделал выпад против Троцкого: «Только безумцы могут говорить о сумерках нашей революции...» «Доло-о-ой!» — послышались отовсюду гневные возгласы, и люди ринулись со всех сторон к Рютину. Стоявший в центре толпы гроб заколебался и едва не был опрокинут. Если бы вовремя не поднялся на трибуну и не успокоил собравшихся Л. Троцкий, очевидно, Рютину не поздоровилось бы.

Свою зажигательную речь Л. Троцкий закончил возгласом:

— Под знаменем Маркса и Ленина клянемся до конца сохранять верность революции и рабочему классу...

— Клянемся! — подняв кверху руки, громогласно ответили тысячи присутствующих.

Закончив похороны, люди возвращались большими шумными толпами, распевая боевые революционные песни, особенно подчеркивая и бесконечно повторяя куплет «Веди ж, Муралов, нас смелее в бой, пусть гром гремит, пускай пожар, пожар кругом...».

Вслед за ними сомкнутым строем, шагом безмолвно двигался полуэскадрон конной милиции.

<...>

В то время как мы делали бесплодные попытки прорвать заграждение, рядом с нами в четырехэтажном доме на углу Воздвиженки и Моховой более успешную борьбу вели наши вожди. Сначала немногие, а затем все мы являлись свидетелями этого любопытного зрелища. На уровне третьего этажа вдоль стены, обращенной к Воздвиженке, были выставлены три больших портрета. В центре красовался портрет Троцкого, справа от него портрет Зиновьева и слева — Каменева. Портреты были наклеены на длинном плотном картоне или фанере. Чтобы снять эти портреты, несколько сталинцев забрались на крышу дома и вооружившись длинными шестами с крючьями на конце, пытались зацепить их. Но всякий раз, когда шесты приближались к портретам, из окон четвертого этажа их отбрасывали в сторону. Активную оборону своих портретов вели оригиналы. Вооруженный половой щеткой с длинным черенком Троцкий энергично отбивал атаки. У второго окна, с разметавшимися кудрями, защищая правый фланг, стоял Зиновьев с какой-то палкой в руках. Всякий раз, когда они удачным выпадом отталкивали шест, наши люди награждали их аплодисментами и веселым ревом.

До омерзения было неприятно смотреть, как трибун революции и вчерашний председатель Коминтерна ведут унижительную борьбу за собственные портреты, которые, по-видимому, сами же они и выставили. Было обидно, что эти люди, отдавая приказ о выходе на улицу, сами отсиживаются дома и даже не сделали попытки хотя бы из окна обратиться с приветственным словом к своим сторонникам. Видимо, горечь разочарования почувствовали и другие участники нашей контрдемонстрации. <...>

